

Воспоминанія стараго педагога ¹⁾).

IV.

Увольненіе изъ Лицея. Переходъ въ Кіевскій университетъ. Поступленіе въ университетъ. Первый годъ пребыванія въ университетѣ. Арестъ Костома-рова. Поступленіе на профессорское содержаніе.

Мой курсовый экзаменъ прошелъ блистательно. Мнѣ объявили, что я признанъ эминентомъ или кандидатомъ на 12-ый классъ при окончаніи курса Лицея. Несмотря на это, тогдашнее лицейское образованіе меня не удовлетворяло; я жаждалъ высшей науки. Тѣмъ не менѣе я отправился послѣ вакацій 1846 г. въ Нѣжинъ, надѣясь, что буду принятъ на казенное содержаніе, какъ обѣщаль мнѣ директоръ Экебладъ. Но надежды мои не оправдались. По пріѣздѣ въ Нѣжинъ я явился къ директору и получилъ категорическій отказъ по неимѣнію вакансій. Тогда я рѣшился во что бы то ни стало перебраться въ Кіевъ, въ университетъ. Трудная однако была эта задача. Деньги, какія мы привезли съ братомъ, были по уплатѣ за квартиру брата израсходованы. У меня въ карманѣ не было ни гроша. Тогда братъ придумалъ что-то заложить изъ одежды и досталъ всего два рубля. Съ этими деньгами я рѣшился пѣшкомъ отправиться въ Кіевъ и оттуда домой, т. е. сдѣлать всего около 300 в., такъ какъ лекціи въ университетѣ должны были начаться не раньше, какъ чрезъ три недѣли. Собравши въ Нѣжинѣ справки о времени начатія университетскихъ лекцій, я составилъ планъ, прибывъ въ

¹⁾ См. „Русская Старина“, январь 1911 года.

Кіевъ, подать прошеніе о принятіи меня въ университетъ, а затѣмъ отправиться домой въ Золотоношу, заготовивъ средствами по крайней мѣрѣ на первое время. Въ концѣ іюля я подалъ прошеніе объ увольненіи меня изъ Лицея. Напрасно Экебладъ чрезъ профессора исторіи Паевского старался убѣдить меня остаться въ Лицеѣ, я устоялъ на своемъ и на третій день послѣ подачи прошенія получилъ свидѣтельство и свои бумаги на руки. 30 іюля я двинулся въ путь, взявши извозчика до ближайшаго села—Дѣвицы. Такъ желалъ братъ, чтобъ не посрамить своего дворянскаго достоинства; и я, далеко не раздѣлявшій его убѣжденій въ этомъ отношеніи, подчинился его желанію единственно для того, чтобы не желалъ огорчать брата, любившаго почваниться своимъ помѣщичьимъ званіемъ. Выѣхавъ изъ города, я однако отпустилъ извозчика и, надѣвши котомку на плеча, отправился по образу пѣшаго хожденія. Погода стояла прекрасная; весело я шелъ по столбовой дорогѣ и скоро миновалъ большое мѣстечко Носовку. Между тѣмъ насталъ вечеръ, начало темнѣть, вдали чернѣлся лѣсъ, а возлѣ него засверкала огонекъ, не вдали отъ дороги. Я свернулъ съ дороги, пошелъ прямо по полю на огонь и нашелъ возлѣ него цѣлую артель рабочихъ мужчинъ и женщинъ, возлѣ которыхъ и устроился на ночлегъ, положивши котомку подъ голову. На другой день чуть свѣтъ я отправился въ дальнѣйшій путь. Не буду описывать всѣхъ подробностей моего путешествія, ни того страшнаго утомленія, которое я почувствовалъ къ вечеру второго дня вслѣдствіе непривычки къ ходьбѣ. Скажу только, что на третій день, и то благодаря крестьянину, подвезшему меня отъ с. Семиполокъ по сыпучимъ пескамъ тогдашней еще не шоссированной дороги, я прибылъ въ Кіевъ по наводному мосту и остановился въ дешевомъ трактирчикѣ на Печерскѣ. Печерскъ въ то время еще кипѣлъ жизнью. По всему направленію Никольскихъ лавокъ двигались толпы людей, куда-то спѣшившихъ и сновавшихъ то назадъ, то впередъ, точь въ точь какъ теперь на Крещатикѣ. Кое-какъ я пробрался въ Липки и оттуда спустился на Крещатикъ, тогда еще окруженный сплохими домишками, построенными въ дворахъ и отгороженными отъ улицы штакетами.

На воротахъ и на штакетахъ красовались вывѣски. Только не много домовъ каменныхъ были выдвинуты на улицу и составляли, можно сказать, зачатки нынѣшняго великолѣпія этого кіевского проспекта. Здѣсь я встрѣтился съ двумя студентами университета, которые, какъ оказалось, были казеннокоштными и жили въ самомъ университетѣ. Они пригласили меня въ свою камеру, дали бумаги, и я написалъ прошеніе попечителю округа о принятіи меня въ

университетъ. На другой день я явился попечителю, возлѣ дома котораго на Крещатикѣ встрѣтился со студентами наканунѣ. Попечитель генераль Траскинъ довольно внушительнаго вида и еще болѣе внушительной тучности, величественно принялъ отъ меня прошеніе и сказалъ: „хорошо, будете приняты“. Я понялъ эти слова такъ, что я буду принятъ безъ экзамена, и рѣшился поскорѣе отправиться домой, пока не начнутся университетскія лекціи. Къ этому меня побуждала и совершенная пустота въ карманѣ. Изъ взятыхъ мною изъ Нѣжина 2 руб. оставалась самая малость. Я рассчитался съ хозяевами, пошелъ на базаръ, купилъ хлѣба и большую селедку, приговорилъ мужичка, возвращавшагося съ торгу, чтобъ онъ подвезъ меня до Дарницы, чрезъ сыпучіе пески около 7-ми верстъ отъ Кіева. Съ нимъ подѣхалъ я къ квартирѣ, забралъ свою котомку и отправился въ путь. Мой попутчикъ оказался весьма добрымъ человѣкомъ. Онъ за 20 коп. подвезъ мою котомку не только до Дарницы, но чрезъ весь боръ. Мы съ нимъ однако шли по большей части пѣшкомъ возлѣ воза, который тащила медленно пара воловъ. И какое было пріятное путешествіе. Лѣтнее солнце едва показалось изъ-за горизонта, бальзамическій запахъ сосны, пріятная прохлада среди вѣковыхъ деревьевъ, добрая и искренняя рѣчь крестьянина, рассказывавшаго про свое житье-бытье у богатаго помѣщика. Все это производило на душу пріятное впечатлѣніе. Въ Дарницѣ мы съ моимъ возницей подкрѣпились пищей. Попивая воду изъ баклажки, мы, наконецъ, проѣхали боръ. Но тутъ, къ сожалѣнію, я долженъ былъ расстаться съ своимъ попутчикомъ, свернувшимъ въ сторону, въ свою деревню. Я, взваливши на плечи свою котомку, поплелся дальше своей дорогой на Барисполь, дошелъ до Барисполя, прошелъ это мѣстечко и вышелъ опять на столбовую почтовую дорогу къ Рогозову. Но, пройдя верстъ пять, шесть, почувствовалъ страшную усталость. Выбившись изъ силъ, я усѣлся подъ вербою и уныло смотрѣлъ на заходящее солнце. Долго я думалъ тяжелую думу и рѣшилъ заночевать подъ вербою. Положеніе мое было отчаянное: въ карманѣ ни гроша, хлѣба ни куска, а между тѣмъ предстояло еще пройти болѣе ста верстъ до дому. Я долго обдумывалъ свое положеніе и рѣшительно не зналъ, какъ выйти изъ него. Приходилось такъ, что хоть протягивай руку за милостыней. Вдругъ раздалось гиканье балагульщика еврея, возвращавшагося, какъ оказалось послѣ, изъ Кіева порожнякомъ. Я вскочилъ на ноги и выбѣжалъ на средину дороги, прося еврея остановиться. Скоро мы сторговались съ нимъ. Онъ согласился довести меня домой за четыре рубля, съ условіемъ получить деньги на мѣстѣ.

Я влѣзъ въ балагулу, положилъ котомку подъ голову и заснулъ

сномъ праведника, убаюкиваемый стукомъ колесъ и гиканьемъ моего возницы. Тройка коней шла крупной рысцой налегкѣ въ теченіе цѣлой ночи. Къ утру едва взошло солнце, мы уже подѣзжали къ мѣсту моего первоначальнаго ученія, къ г. Переяславу. Еврей объяснилъ мнѣ, что онъ живетъ въ Переяславѣ, что три недѣли онъ уже въ разѣздѣ и не перемѣнялъ бѣлья.

Онъ просилъ меня остановиться въ городѣ на полдня. Я согласился не безъ тайнаго удовольствія: авось, евреи помогутъ мнѣ, думалъ я, утолить страшно мучившій меня голодъ. И дѣйствительно, я не ошибся. Добрые евреи усадили меня за обѣдъ, и я въ первый разъ въ жизни попробовалъ еврейской стряпни. Помню, что обѣдъ состоялъ изъ щуки, сваренной съ картофелемъ, съ достаточнымъ количествомъ перцу. Подкрѣпившись обѣдомъ, мы отправились дальше. Прошло много лѣтъ, а и теперь я живо вспоминаю добраго еврея, своего возницу, и его миловидную и еще очень молодую жену, радушно угостившую меня своей рыбой. А вѣдь и евреи тоже люди—человѣки, и они имѣютъ сердце, несмотря на то, что ихъ презираютъ и гонятъ. Но всю жизнь я сохранилъ гуманный взглядъ на этотъ народъ, хотя, признаюсь, всегда побаивался ихъ недостатковъ.

Въ концѣ августа 1846 г. я съ двумя завѣтными червонцами, которые покойница мать моя успѣла приберечь, отправился въ Кіевъ на своихъ лошадяхъ, вмѣстѣ съ братомъ Михаиломъ, который въ томъ году окончилъ Минскую гимназію и пріѣхалъ также для поступленія въ университетъ; но долженъ былъ ожидать своихъ документовъ, которые его директоромъ были отправлены въ Казань, по случаю заявленнаго братомъ желанія поступить на казенное содержаніе въ Казанскій университетъ.

Пріѣхавъ въ Кіевъ, мы съ братомъ остановились на Подолѣ, на постояломъ дворѣ, а вечеромъ отправились гулять на Крещатикъ, съ тѣмъ, чтобы на другой день съ утра отправиться на поиски для найма квартиры. На Крещатикѣ случайно мы встрѣтили университетскаго педеля, который разыскивалъ меня для предъявленія повѣстки, что я долженъ явиться на экзаменъ. Это неожиданное извѣстіе привело меня въ большое смущеніе. Цѣлый годъ не занимался я гимназическими предметами и успѣлъ все порядочно позабыть. Промучившись всю ночь, я на другой день отправился рано утромъ въ университетъ. По пути я встрѣтилъ студента Горыгорецкаго Института, знакомаго по Нѣжину. Онъ хотѣлъ перейти въ университетъ, но не выдержалъ экзамена и наговорилъ мнѣ немало ужасовъ про строгости экзаменаторовъ, которыми въ то время были профессора университета. Напу-

ганный и совершенно обезкураженный, я въ отчаяніи явился въ университетъ съ цѣлію взять свои документы обратно. Въ университетѣ меня направили къ секретарю тогдашняго синдика Глушановскаго. Отправляюсь, меня принялъ юный секретарь, едва только окончившій университетъ и еще даже не снявшій студентской формы — нѣкто Витковскій. Я объяснилъ ему мое горе и просилъ возвратить документы. Витковскій сказалъ, что мои документы переданы въ экзаменаціонную комиссію, сталъ уговаривать меня не бояться экзамена и идти смѣло экзаменоваться. Я послушался. Прихожу въ экзаменаціонную комнату. Профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій задалъ тему: „О вліяніи Монгольскаго ига“. Въ полчаса я прямо на-чисто написалъ отвѣтъ; онъ началъ разсматривать его и показывать прочимъ членамъ комиссіи мое лицейское свидѣтельство. Меня подозвали къ столу и объявили, что мой экзаменъ одна формальность, и, дѣйствительно, экзаменъ мой сошелъ весьма благополучно.

Въ первыхъ числахъ сентября меня позвали къ инспектору студентовъ, которымъ въ то время былъ полковникъ Сычуговъ, впоследствии кievскій старшій полицеймейстеръ. Мнѣ объявили, что я принятъ въ число студентовъ юридическаго факультета, и выдали матрикуль. Между тѣмъ я успѣлъ найти за 3 р. 50 к. въ мѣсяць квартиру со столомъ на такъ-называемыхъ въ шутку студентами „хуторахъ отчаянія“, гдѣ нынѣ Златоустовская улица, а въ то время мѣстность эта носила названіе Солдатской слободки. Она отдѣлялась громаднмъ пустыремъ отъ университета. Далекъ приходилось ходить на лекціи. Ходилъ я обыкновенно, не держась дороги изъ Кіева на Борщаговку, крайне узкой и неудобной, а по большей части отправлялся небольшою тропинкой, проложенной черезъ овраги, которая значительно сокращала путь. Приходилось, выйдя изъ зданія университета, прежде всего пройти большую площадь, гдѣ нынѣ построенъ Владимірскій соборъ, и проходить улицы: Гимназическая, Нестеровская, Пироговская и Тимоѣевская. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ теперь анатомическій театръ, приходилось спускаться въ оврагъ, посрединѣ котораго протекалъ довольно глубокой ручей, гдѣ нынѣ Мало-Владимірская улица; такъ что въ весеннее время, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ можно было по колѣна попасть въ воду. Бредешь, бывало, пока не взберешься на взгорье, гдѣ нынѣ Ивановская и Бульварно-Кудрявская улицы. И на этомъ-то самомъ мѣстѣ, гдѣ приходилось становиться отдыхать послѣ трудной переправы чрезъ канаву, пришлось мнѣ теперь доживать свой вѣкъ, но не въ своей хатѣ, а въ хатѣ зятя...

Но я забѣжалъ впередъ. Недаромъ я стремился въ универси-

тетъ; не даромъ я смотрѣлъ на него, какъ на обѣтованную землю, гдѣ въ потѣ лица могъ трудиться и неустаннымъ трудомъ, въ которомъ находилъ величайшее удовольствіе, пробивать себѣ дорогу въ жизни. Съ поступленіемъ въ университетъ открылось мнѣ широкое научное поприще. Я посѣщалъ лекціи не только юридическія, которыхъ на первомъ году было не болѣе 12-ти въ недѣлю, но и лекціи лучшихъ профессоровъ другихъ факультетовъ. Съ особенною любовью я слушалъ лекціи по исторіи всеобщей—Шульгина, по философіи — Новицкаго, по химіи — публичныя лекціи Фонберга, по физикѣ—лекціи Кнора, по анатоміи—публичныя лекціи Вальтера. Посѣщалъ даже анатомическій театръ, который тогда находился на Тарасовской улицѣ въ небольшомъ домѣ, вовсе не приспособленномъ для этой цѣли. Въ восемь часовъ утра я отправлялся изъ своей квартиры по совершенно пустыннымъ мѣстамъ, гдѣ нынѣ кипитъ жизнь и тянутся ряды трехъ-этажныхъ каменныхъ домовъ. До трехъ часовъ я оставался въ университетѣ, переходя съ лекціи на лекцію. Собственно юридическихъ лекцій было не болѣе трехъ часовъ въ день, а иногда даже не болѣе двухъ часовъ: а именно: профессоръ Ѳедотовъ-Чеховскій читалъ римское право и гражданскіе законы. Профессоръ Богородскій—государственные законы. Адъюнктъ, профессоръ Цвѣтковъ—энциклопедію законовѣдѣнія. Независимо отъ того, для студентовъ юридическаго факультета, вмѣстѣ съ словесниками, преподавались: Законъ Божій — протоіереемъ Скворцовымъ, русская словесность — профессоромъ Солинымъ и русская исторія — профессоромъ Костомаровымъ. Въ особенности посѣщались и происходили въ самой большой первой аудиторіи лекціи Солина, который славился своимъ краснорѣчіемъ. Краснорѣчіемъ этимъ восхищались въ особенности студенты-поляки. Но замѣчательны были въ особенности лекціи профессора Костомарова, чуждыя всякой мишуры и блестящія краснорѣчія, но простыя и весьма содержательныя. Число слушателей его было громадно. Бывало биткомъ набита громадная аудиторія. Ходили уже слухи, что начальство не довѣряетъ Костомарову; но это только больше подзадоривало насъ, и мы недоумѣвали, чѣмъ могъ возбудить недовѣріе челоуѣкъ науки, которую онъ, можно сказать, исповѣдывалъ предъ своею аудиторіею. И дѣйствительно, начальство, въ лицѣ помощника попечителя Юзефовича, по-временамъ появлялось въ аудиторіи. Это, повидимому, крайне смущало Костомарова. По крайней мѣрѣ, онъ краснѣлъ, часто поправлялъ очки и, видимо, волновался. Въ это время онъ все вниманіе свое обращалъ на тетрадь, наклонившись къ каедрѣ, и излагалъ обыкновенно лекцію крайне сухо и монотонно. Должно быть уже что-то

недоброе приготавлилось въ жизни нашего любимаго наставника. И дѣйствительно, въ концѣ свѣтлаго праздника Пасхи, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1847 г., разразилась надъ его бѣдною головою гроза. Костомаровъ и преподаватель рисованья въ университетѣ Шевченко внезапно были арестованы и внезапно отправлены въ С.-Петербургъ. Увезены также и нѣкоторые студенты словеснаго факультета, въ томъ числѣ изъ болѣе извѣстныхъ въ послѣдующее время студенты 4-го курса Посяда и Маркевичъ. Никто изъ насъ не зналъ, какая причина такого ужаснаго несчастія съ любимымъ нашимъ профессоромъ, у котораго мы собирались присутствовать на вѣнчаніи, такъ какъ въ городѣ ходилъ уже слухъ о его женитьбѣ. Рассказывали всякія небылицы, но никто не зналъ настоящей правды. Переполохъ былъ общій и постоянно поддерживался обысками у студентовъ. Усердіе тогдашнихъ субъ-инспекторовъ не знало мѣры, а одинъ даже дотого отличился, что отобралъ при обыскѣ у одного студента всѣ его книги и въ томъ числѣ лексиконы; и все это представилъ на благоусмотрѣніе начальства. Говорили однако, что начальство не похвалило такого усердія не по разуму и велѣло возвратить книги по принадлежности.

Между тѣмъ приближалось время полугодичныхъ экзаменовъ, производившихся для казеннокоштныхъ студентовъ и для тѣхъ, которые желали поступить на казенное содержаніе. Я еще предъ Рождествомъ выдержалъ такое испытаніе; но результатовъ никакъ не могъ добиться. Надѣясь поступить на казенное содержаніе, я не хотѣлъ просить денегъ у матери и искать уроковъ, а между тѣмъ мои червонцы давно уже испарились. Успѣлъ уже прожить и еще сорокъ рублей, присланныхъ матерью. Безденежье ужасное; такъ что хозяинъ уже не разъ приходилъ объявлять мнѣ и товарищамъ, что обѣда не будетъ. Только благодаря великодушной хозяйкѣ, мы кое-какъ питались и въ эти злосчастные дни. Тайкомъ отъ мужа она покупала для насъ булки. Такъ мы перебивались, пока не находилась у кого-нибудь сумма денегъ, чтобы уплатить хозяину малую толику. Тогда опять появлялась у насъ на столѣ горячая пища. Великое дѣло молодость! Въ критическія минуты мы были веселы и не мало хохотали и дурачились. Разъ однако эти шутки дошли между двумя литвинами до драки или лучше до взаимнаго оскорбленія. Одинъ студентъ изъ пановъ, т. е. изъ шляхты, назвалъ другого—изъ крестьянъ „хлопомъ“ и такъ этого послѣдняго разобидѣлъ, что тотъ отвѣчалъ пощечиной. Дошло дѣло до дуэли. Два пѣтуха начали готовиться къ смертельному бою; все затрудненіе въ недостаткѣ оружія. Но мы употребили всѣ усилія, чтобы уговорить товарищей помириться. Живо помню наше вол-

неніе и безпокойство, а затѣмъ и всю комическую сцену примиренія. Мы, свидѣтели всей этой сцены, вмѣстѣ напрягали всѣ усилія, чтобы не разсмѣяться, а главное какимъ-либо неосторожнымъ словомъ или жестомъ не подать новаго повода къ вспышкѣ.

Но среди хлопотъ по приготовленію къ экзамену и въ веселой компаніи товарищей я серьезно началъ подумывать о томъ, какъ я могу дожить до конца учебнаго года. Оставалось еще два мѣсяца. Мои костюмы поизносились, а главное, сапоги настоятельно требовали починки.

Въ это время вдругъ приходитъ педель и объявляетъ, что я принять на профессорское содержаніе и могу перебираться на бесплатную квартиру въ заведеніе несостоятельныхъ студентовъ, которое молодежь въ шутку прозвала штраухгаузомъ, т. е. домомъ наказанія; прокутится кто, жить не на что; онъ подаетъ прошеніе и до поправленія обстоятельствъ перебирается на жительство въ штраухгаузъ какъ бы ввидѣ наказанія. Но что для людей состоятельныхъ было наказаніемъ, для меня показалось раемъ. Вблизи университета былъ нанятъ прекрасный каменный двухъэтажный домъ, принадлежавшій тогда Петрову, въ которомъ на одномъ этажѣ помещались спальня и столовая, а вверху комнаты для занятій, прекрасныя свѣтлыя комнаты. Какое приволье послѣ тѣсной полумрачной квартирки изъ одной маленькой комнаты, въ которой приходилось ютиться вмѣстѣ съ товарищемъ. Я занялъ рубль, кое-какъ отремонтировался и перешелъ въ домъ наказанія съ удовольствіемъ. Благополучно я выдержалъ экзаменъ на казенное содержаніе. Мои профессора, принимавшіе во мнѣ живое участіе, обѣщали принять всѣ мѣры къ замѣщенію меня на казенное содержаніе.

А. Ө. Андріяшевъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

